

Сегодня — Международный день театра

Нашим читателям не надо подробно рассказывать об Аджимушке, этой Брестской крепости на крымской земле. Многие сами бывали в проставленном подвигами каменоломнях, теперь ставших музеем. Знают и лица Героев Аджимушки в Симферополе. Читали о корабле и далекой планете, которые названы этим именем.

Последние исторических документов, сведений о погибших и живых участников аджимушканской обороны продолжается много лет. Вместе с другими его неустанно ведет поэт-фронтовик Борис Серман. В процессе поиска рождались стихи, публицистика. И вот совместно с крымским литератором Е. Чертовым им написана драматическая поэма «Аджимушка». Спектакль по ней поставлен Украинским театром драмы и музыкальной комедии к XXVI съезду КПСС. 4 апреля этого года он будет показан в столице Украины.

На съезде ярко и убедительно говорилось об одной из важных проблем современности — связи искусства с жи-

Зли матрос Горобец в исполнении артиста Л. Никоенко. Он напрягает все свои физические и нравственные силы, чтобы просить, требовать ампутации ноги... без наркоза (лекарства нет). А заслуженная артистка УССР М. Марьяновская, вся внутренне содрогаясь, шепчет в сторону: «Я же не живоде...». Однако идет, оперировать: военврач!

Съехавшиеся на спектакль аджимушканцы признали: — Все это — правда!

И, поднимаясь на сцену после представления, они первыми кланяются на бутфорские камин, преобразованные искусством и подлинными камин Аджимушка. Цветы дарили и артистам со слезами благодарности. Невольно обращались к зрителям: — Так было. Но никогда не должно повториться. Людям нужен мир!

Об этом же думали и сами зрители, в том числе и молодые. Многие из них, например, курсанты Симферопольского высшего военно-политического стрелкового училища, тоже устремились на сцену, что-

тять во время боевых операций аджимушканцев.

...Но когда я спросила одного из самых молодых солдат, которые плакали на спектакле, о впечатлениях от сцен с оккупантами, он сказал:

— Внимание здесь как-то оставляет... Вообще-то, Аджимушка — новое для меня... А тут вроде бы уже видел... знаю...

Солдат словно извинялся за свое впечатление, но извиняться-то ему было не в чем. Театр действительно еще не знает тогда собственных красок в изображении врагов. Поэтому они и воспринимались как повторенные уже много раз видения.

А ведь был у режиссера В. Ясногородского смелый первоначальный замысел — не показывать гитлеровцев «в натуре», а дать лишь их голоса, которые слышали сверху в своем каменном подземелье аджимушканцы. Врагов пришлось постепенно «судачить» уже после премьеры.

Насколько строгие требования предъявляет правда жизни к правде искусства показывает и другой пример — с детьми. В Аджимушке (это засвидетельствовано много раз) дети не плакали. Им не запрещали плакать. Но такой суровой была жизнь, во мраке, рядом со смертью, что глаза у ребят оставались сухими. И вот на сцене появились двое маленьких — словно окаменевших, безжизненно произносивших слова. Казалось бы, все так и должно быть. Однако сразу же обнаружилось противоречие: между поведением взрослых и детей. Взрослые, осознавшие тяжесть происходящего, больше, чем малыши, продолжали жить до последней минуты. Именно жить, а не просто физически существовать. Даже любить, петь. А дети словно бы уже превратились в живых мертвецов. Противоположностью. И, конечно же, над образами маленьких аджимушканцев тоже пришлось продолжать работу.

В спектакле, как мы знаем, удачно найден прием пластического изображения надежд, воспоминаний аджимушканцев о мирной жизни: на заднем плане, в центральной мишуре возникают образы таинующей юности и девушки в белом. Зрители высоко оценили стремление театра зримо показать частицу души бойца и его любимой, вместе сражавшихся в Аджимушке. Однако замет-

— Может, только вот... слишком сложных пируэтов не надо... Не балет ведь...

Один из главных персонажей «Аджимушка» — Автор. Он не просто комментирует оптимистическую трагедию аджимушканских каменоломней, но и осмысливает ее, обогащая свой опыт последующего поколения. При этом важно передать глубинный смысл советского человека восьмидесятых годов, его политическую зрелость, искренний сердечный отклик на муки, приносимые войной. В этом направлении продолжает работать театр вместе с исполнителем роли Автор артистом В. Чеботаревым.

В заключение хочется вспомнить услышанное мной в театре от участницы обороны Лины Александровны Теремковой.

— Самые страшные для нас, молодых тогда девчата-сестрички, был даже не мрак. Не голод и не собственная жажда. А невозможность оказать помощь. Стоишь, умирают раненые. И нет ни капли воды для них, нет лекарства... С тех пор я всегда спешу помочь людям, если они нуждаются в чем-то. И детей сейчас учат этому. Теперь тому же учу внуков.

Однако в помощи нуждаются не только отдельные люди, но и целые народы. Весь мир нуждается сейчас в помощи — защите от войны. От новых, еще более смертоносных средств ее, которые старается заранее рассосать по земле, особенно европейской, американский империализм. Каждый из нас должен сшить на почве мира защитный его. Об этом и спектакль Крымского украинского театра драмы и музыкальной комедии...

Посмотрите этот спектакль! Посмотрите всей семьей, с друзьями, товарищами по работе или учебе!

Марияна НОВИКОВА.

ЛЕГЕНДА И БЫЛЬ

Вот почему хочется коснуться этой проблемы на примере нового произведения, которое только что появилось у нас. Создавая «Аджимушку» в непосредственной близости с жизнью: изучением не только исторических материалов, но и самих катакомб, волнующими встречами с теми, чьи образы предстояло воссоздать на сцене. Это была не просто деловая подготовка к будущей постановке, а трепетное прикосновение к святыне.

— Я еще не знал, — сказал на одной из таких встреч режиссер-постановщик заслуженный артист УССР В. Ясногородский, — насколько сильным будет нравственное воздействие нашего спектакля на зрителей. Но мы сами уже почувствовали его силу.

Родилось общее горячее желание показать всякую правду жизни — муки аджимушканцев и светозарность их души. Отсюда и тяжелые каменные глыбы, нависшие со всех сторон над сценческой площадью, камин даже на авансцене. И гигантская мишур — символ того, что аджимушканцы все время на прицеле (сценограф — заслуженный художник УССР А. Лагно). Как метроном, звук капавшей воды, которой так не хватало в каменоломнях. Но есть и другой символ — время от времени возникающие на заднем плане фигуры в белом, мужские и женские. Пары таинуют (балетмейстер Л. Котляренко). Что это? Может быть, воспоминания о счастливых, мирных днях, а может — светлая надежда на такие дни в будущем. И музыка... музыка, которой много в спектакле и которая, действительно, нужна в нем. Прекрасные хоровые песни из сценной, полные скорби и мощи. Они — как голос народа, голос Родины, провозвестники Победы, как голос матери, плачущей о погибших (композитор А. Караманов).

Однако главное в раскрытии правды жизни — это изображение самих аджимушканцев. Жанр драматической поэмы придает особую эмоциональную выразительность всему, что происходит на сцене, позволяет создать многообразие символов борьбы. Но одновременно сталкивает театр и с большими трудностями: нет развернутого действия, подробно очерченных характеров. На каждого исполнителя пришлось недвоякно малая «драматургическая площадь». Но и режиссер, и артисты старались сделать все, чтобы донести до зрителя обретенные ими самим: в Аджимушке. Заслуженный артист УССР И. Бурченко (Комиссар) с душевным трепетом слышит себя ораси, чтобы изгладить отважного аджимушканца.

бы возложить цветы и поклониться: «Мы будем хранить мир!»

С одним из таких курсантов, Владимиром Рекусовым, я также с группой солдат и молодых офицеров мы разговаривали после спектакля. Всем им слегка за двадцать: даже их отцы не воевали. Но почти в каждой семье до сих пор переживают потерю кого-нибудь из старшего поколения. Уцелевшие рассказывают младшим, что такое война. Войну знают юности и по учебникам, фильмам, и по художественной литературе.

— Однако сегодня, — признавались они, — у нас на глазах были слезы.

— Солдатские слезы... Дорогие, очень дорогие! В них не только боль, но и гнев.

Младший сержант Николай Лысок, рядовой Александр Чигасов и Евгений Паников больше всего говорят об образе летчика Лазыгина, который создал артист В. Марченко. Чувствуется, что этот образ останется в их памяти надолго. Трудная судьба героя, оказавшегося вместо неба в подземелье. Но артист подтверждает своей игрой справедливость слов: летчик должен летать даже без сил. Балетом духа Лазыгин сумел выполнить, казалось бы, невыполнимое боевое задание...

Несмотря на такой прием спектакля зритель, работа над ним продолжена и после премьеры. Это еще раз доказывает, с какой высокой ответственностью театр отнесся к творческому воссозданию подвига аджимушканцев. Однако в том, как идет эта работа, куда направлена, — прослеживается общая, по-моему, и очень важная закономерность всего нашего искусства, крепко связанного с жизнью. Любим советский художник — слова, кисти, сцены — идет от жизни. Но отнюдь не фотографирует ее, в чем обвиняют наше искусство его идейные противники. А именно творчески воссоздает — в соответствии с законами самого искусства. Всякий раз ищет те художественные средства, которые полнее, точнее, глубже передали бы то или иное явление жизни. И побеждает тогда, когда находит их, терпит поражение, не являя.

Так было и на этот раз. Жизненно достоверна ненависть врагов к бесстрашному подземному гарнизону Аджимушка. Гитлеровцы несли большие потери в борьбе с аджимушканцами. Это подтверждают и живые свидетели, архивные документы, как наши, так и вражеские. И вот на первых спектаклях «Аджимушка» мы увидели фашистов, завершающих от сопротивления всего гарнизона, и тех, кого им удавалось захва-